

Голосенко И. А. Козловский В. В. История русской социологии XIX-XX вв.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

МАРКСИСТСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: Г. В. ПЛЕХАНОВ И В. И. ЛЕНИН

В последние сто с лишним лет история нашей страны тесно переплелась с историей марксизма. Именно на отечественном историческом ландшафте разыгралась драма практического испытания марксистского всемогущего, по определению В. И. Ленина, учения. В 40-50-е годы марксизм в России был мало известен русской интеллигенции. Лишь с конца 60-х и в 70-х годах он набирает силу и становится авторитетным среди широкого круга сочувствующих радикальным социальным идеям, а затем приобретает значительное влияние и как радикальная политическая доктрина, имеющая программное значение для социал-демократической партии. Первоначально были популярны экономические идеи и материалистическое понимание истории, позднее стала активно входить в употребление философская концепция диалектического материализма. Одна из основных причин растущей влиятельности марксистской теории, безусловно, заключалась в ее однозначной социально-политической направленности на изменение типа общественного устройства через структуры власти. Традиции социологии только закладывались, но их разнообразие уже тогда строилось вокруг ключевой темы, как и в каком направлении должно развиваться российское общество. Социологическая культура общества выступает одновременно рациональным способом самопознания социальной структуры и выражением различных социальных позиций. Если говорить о генезисе и путях развития отечественной социологии, то надо учесть характер ситуации в дореволюционной России. Альтернативы в развитии социологии в то время были тождественны различным перспективам, стоявшим перед страной. Растущая мобильность в условиях модернизации российского государства в последней трети XIX в. вызвала к жизни потребность переустройства и отладки социальной системы, урегулирования социального порядка. Россия искала компромисс между высшим сословием и новыми активными социальными группами, ибо выход из раздиравших общество конфликтов был возможен лишь при систематическом практическом участии всех слоев в принятии важнейших социально-политических решений. В обществе же отсутствовали демократические институты разрешения все более обострявшихся противоречий. Устаревшая бюрократическая машина самодержавия не справлялась с обилием проблем, требовавших скорейшего решения. Выбор путей и способов модернизации стопорился не только закостеневшими социальными и властными институтами, но и многообразием перспектив. Предлагаемые альтернативы отражали интересы всех крупных социальных групп. Они могли быть реализованы лишь при соблюдении определенного компромисса. Отличие исторической ситуации в России от европейской во второй половине XIX-XX вв. ряд исследователей видят в ее индустриальном и культурном отставании. Об этом заявил П. Б. Струве в работе "Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России" (СПб., 1894). В советских исследованиях также говорится о догоняющем типе развития России. Если же опереться на теорию мировой системы И.

Уоллерстейна. то картина развития России представляет собой следующее. Мировая система, в которую входят мировое хозяйство (экономика), ее политический каркас - межгосударственная система, состоящая из суверенных государств, - как раз и является обществом, вмещающим в себя исторически существовавшие и существующие страны - сообщества [4]. В рамках этого мирового общества Россия, можно предположить, легитимируется именно как сообщество. Между тем давление мирового хозяйства - общества, а оно ассоциируется, как правило, с принуждением жить по модели Запада, вызывает протест, бунт. Возникает сопротивление либо в форме религиозного (или идеологического) фундаментализма, в России, в частности, опора делалась на православие, либо в форме социально-политических движений: народничество, большевизм и т. д. Исторической альтернативой мировому капиталистическому хозяйству была мировая система социализма, хотя ее опыт оказался неудачным. Нельзя при этом сказать, что исчезла сама проблема самоидентификации отдельным сообществом (страной, нацией) себя в качестве самостоятельного общества. Тем любопытнее, как этот вопрос решался в России на рубеже веков. Возникшие тогда социологические традиции отражали возможные и состоявшиеся линии развития российского общества. Одно из наиболее важных социологических направлений, а именно марксистское, выражал в своем творчестве Г. В. Плеханов.

Георгий Валентинович Плеханов (1856 -1918)

По своему социальному происхождению Плеханов был выходцем из среды мелкопоместного дворянства в Тамбовской губернии, типичного маргинального слоя пореформенной России. Этот слой нельзя, по-видимому, отнести к разночинной, преимущественно демократической, интеллигенции, но по своим симпатиям и социально-политическим устремлениям он приближался к ней. В то же время он выполнял чрезвычайно важную роль носителя и творца культурных традиций российского общества. В 60-80-годы его экономическое положение пошатнулось и в немалой мере способствовало революционизированию этой социальной страты. Именно в такой атмосфере рос и воспитывался Плеханов.

Немалое воздействие на духовное становление сына оказала его мать, воспринявшая передовые идеи того времени через В. Г. Белинского, родственницей которого она была. Окончив Воронежскую военную гимназию в 1873 г., Плеханов некоторое время учился в Петербурге в Константиновском юнкерском училище и в 1874 г. поступает в Горный институт. Военная карьера явно пришлась ему не по вкусу. Интересы Плеханова все более склонялись в сторону революции.

С 1876 г. он активно включается в практическое революционное движение: вначале это был народнический кружок "бунтарей", вошедший позднее в "Землю и Волю" (Плеханов активно участвует в деятельности отделившейся от нее организации "Черный передел"), затем участие в проведении первой в России политической демонстрации на площади у Казанского собора в Петербурге в 1876 г. В это время он уже жил на нелегальном положении и самостоятельно штудировал различные области знания в публичной библиотеке. Плеханов унаследовал многие идеи своих учителей: Белинского, Чернышевского, Герцена, Добролюбова, о которых впоследствии немало написал. Начало его революционного вхождения пришлось на господство народнических идей и, будучи человеком своего времени, он пережил их внутренне, переболел ими. Близкое знакомство с жизнью рабочих, пропаганда среди них идей борьбы с правительством,

перерождение народничества из революционного в либеральное, знакомство с марксизмом привели его к убеждению в ложности народнической идеологии. За свою революционную активность Плеханов дважды подвергался арестам. Жизнь в России становилась все менее безопасной и с 1880 г. он вынужден жить за границей, во Франции, Швейцарии, Италии, где внимательно изучал марксово учение и где раскрылся его огромный талант публициста, лектора, переводчика, издателя. В конце 80-х годов лично знакомится с Энгельсом и окончательно меняет, если можно так выразиться, свои идейные вехи, т.е. переходит на позиции марксизма. В 1883 г. в Женеве он вместе с В. И. Засулич, Л. Г. Дейчем, П. Б. Аксельродом и В. Н. Игнатовым создает первую русскую организацию марксистов "Освобождение труда", ставшую базой для распространения в России марксистских идей и формирования российской социал-демократии. В конце 80-х - начале 90-х гг. XIX в. он занял видное место среди марксистов других стран и, таким образом, получил международное признание как теоретик международного рабочего движения и как представитель Российской социал-демократической партии в Международном социалистическом бюро II Интернационала. Радикальная марксистская идеология и концепция непримиримой политической борьбы с самодержавием нелегальным и легальным путем разрабатывалась Плехановым до последнего дня жизни. Но в начале XX в. ему пришлось уступить ведущую политическую роль более решительным и напористым товарищам по социал-демократии, в первую очередь Ленину, особенно после раскола на меньшевиков и большевиков в 1903 г. на II съезде РСДРП. Октябрьскую революцию Плеханов не принял, так как считал, что Февральская революция 1917 г. должна была стать началом длительного пути развития капитализма в России с тем, чтобы в ней созрели культурные и экономические условия для социализма. Октябрь он называл нарушением всех исторических законов. Плеханов не увидел плодов диктатуры пролетариата и советской власти. Он умер 30 мая 1918 г. и похоронен в Петербурге на Волковом кладбище, рядом с могилами Белинского и Добролюбова.

Социологическая концепция Плеханова достаточно полно представлена в его произведениях, тем более, что после революции его труды издавались неоднократно. Среди главных социологических работ следует назвать: "Социализм и политическая борьба", "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю". "Наши разногласия", "К вопросу о роли личности в истории", "Материалистическое понимание истории". "Критика наших критиков", "О материалистическом понимании истории", "О мнимом кризисе марксизма", "Материализм или кантианизм", "Основные вопросы марксизма", "Materialismus Militans", "Письма без адреса" [1899- 1900 гг.], "О так называемых религиозных исканиях в России", "Искусство и общественная жизнь" [1912-1913 гг.], "Пролетарское движение и буржуазное искусство". Многие идеи содержались в статьях по теории социализма, по социологии политики, искусства, религии, в рецензиях работ Михайловского, Лаврова, Кареева, Ткачева и других. Собственная теоретическая задача Плеханова состояла в обосновании политического и социального идеала революционной борьбы с абсолютизмом, для целей сознательной политической борьбы с правительством, о чем он неоднократно писал [5, С. 51}. Для него нет сомнений в тесной связи борьбы рабочего класса с общими задачами социализма. Политическая ангажированность социологических воззрений Плеханова не только не утаивается, но, напротив, с особой страстью подчеркивается им.

Душой его мировоззрения был марксизм, в котором он находил путеводитель истинного понимания хода исторического развития и нравственное оправдание необходимости вершить судьбы общественного прогресса. Это требование отливало в важнейшую задачу "не осуждать, а выяснять и обобщать (выделено Г. П.) те насущные потребности русской жизни, которые все более и более толкали наших революционеров на путь политической борьбы" 15, С. 64]. В этом заключался смысл разработки Плехановым социологии на марксистской основе.

Наиболее адекватным методом подобного изучения должна была стать, по его мнению, марксистски преобразованная гегелевская диалектика. Сущность гегелевского метода состоит, по Плеханову, в том, "что мыслитель не должен успокаиваться ни на каком положительном выводе, а должен искать: нет ли в предмете, о котором он мыслит, качеств и сил, противоположных тому, что представляется этим предметом на первый взгляд; таким образом, мыслитель был принужден обзрывать предмет со всех сторон, и истина являлась ему не иначе, как следствием борьбы всевозможных противоположных мнений. Этим способом, вместо прежних односторонних понятий о предмете, мало-помалу являлось полное, всестороннее исследование и составлялось живое понятие о всех действительных качествах предмета. Объяснить действительность стало существенною обязанностью философского мышления" [9, С. 574]. Таким образом, принципы марксистской диалектики: материализм, монизм, историзм и принцип практики - стали основой его методологических установок. Эмпирической базой его исследований явилась масса исторических фактов, наблюдений, накопленная к тому времени статистика. Вместе с тем следует заметить, что нередко Плеханов явно тенденциозно группирует фактические данные в целях обоснования объективной законосообразности анализируемых им явлений. Эта историческая закономерность трактовалась им весьма целенаправленно, как утверждение правоты марксистской парадигмы.

Отношение Плеханова к социальной теории нагляднее всего проявилось в его оценках народнических идей: "Прежде всего нужно иметь в виду, что революционер не есть революция и что теории революционеров не всегда и не во всех своих частях могут быть названы революционными теориями (...). Реакционные теории вообще непривлекательны: но они не опасны до тех пор, пока выступают под своим собственным знаменем. Вредной отравой, настоящим умственным ядом они становятся лишь тогда, когда начинают прикрываться революционным знаменем. В таком случае противником революции является не тот, кто сдергивает с них революционную маску, а тот, кто остается равнодушным зрителем вольной или невольной литературной подделки". [II, С. 369]. Это было сказано по поводу народнических творений Льва Тихомирова. Но это характерно для Плеханова по отношению к своим идейным противникам. Борьбу за чистоту марксизма он считал первой своей задачей по той простой причине, что, по его мнению, это единственно верная теория, дающая объективное знание экономической и социальной реальности, служащая правильным ориентиром для свободного социального действия и выбора личной позиции. Значение марксизма, по его мнению, настолько велико, что нет ни одной отрасли социологии, которая не приобретала бы нового и чрезвычайно обширного поля зрения, усваивая их философско-исторические взгляды. Основным теоретико-методологическим принципом для Плеханова безусловно служит материалистическое понимание истории, т.е. принцип материализма в объяснении действий как отдельной личности, так и больших социальных групп. Фундаментальные

ценностные установки содержатся в прямом утверждении единства интересов пролетариата и целей общественного прогресса. Ясно, что социальные ценности рабочего класса, обоснованные материалистическим пониманием истории, должны быть сердцевинной социологической доктрины. Ядро его социологической концепции составляют: во-первых, классовая модель общества, в которой выделены экономическая доминанта (базис) и основанная на нем классовая структура российского общества; во-вторых, нацеленность на радикальное изменение социального порядка и на исключительно революционный способ смены общественного строя; в-третьих, подчиненный социальной среде статус личности и зависимость личности от производительных сил и социальных институтов. Новый материализм, вооруженный диалектическим методом, гениально представляет К. Маркс, к взглядам которого Плеханов полностью присоединяется в понимании общества, чье определение он цитирует из "Наемного труда и капитала": "Отношения производства в их совокупности образуют то, что называется общественными отношениями, обществом, и притом обществом, находящимся на определенной исторической ступени развития, - обществом с определенным характером" [9, С. 611]. На основе определения общества как системы общественных отношений в научном социализме объясняется и закономерное изменение социальных форм. "Основатели научного социализма показали нам в развитии производительных сил и в борьбе этих сил против отсталых "общественных условий производства" великий принцип изменения видов общественной организации" [5. С. 69]. Подобное понимание общества и принципа его изменения исключает субъективизм в трактовке исторического процесса, но в то же время отводит особое место субъективному фактору, действиям личности и социальных групп. Вместе с тем, Плеханов отдает должное и другому фактору - географическому, так как "только благодаря некоторым особым свойствам географической среды наши антропоморфные предки могли подняться на ту высоту умственного развития, которая была необходима для превращения их в toolmaking animals. И точно также только некоторые особенности той же среды могли дать простор для употребления в дело и постоянного усовершенствования этой новой способности "делания орудий" [9, С. 614]. Воздействуя на природу вне его, человек изменяет свою собственную природу. Это один из ключевых моментов в марксистской концепции взаимообусловленного единства природы, общества и человека. Последний развивает все свои способности, а вместе с ними и способность к "деланию орудий". Но в каждое данное время мера этой способности определяется мерой уже достигнутого развития производительных сил. Теоретически прояснив собственную позицию, Плеханов не мог оставаться равнодушным к другим воззрениям на общество, на характер его развития. Поэтому он вложил немало сил в полемику со своими идейными оппонентами, поскольку они, с его точки зрения, отвлекали от задач революционной борьбы. Отдавая должное народникам за их стремление работать в народе и для народа, за их уверенность в том, что "освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса", в целом, за их практическую направленность, Плеханов полагал их теоретические положения во многом ошибочными. Социологические и политические заблуждения народничества были постоянным предметом острейшей критики и нападок со стороны первого русского марксиста. Идея самобытного развития России, ставшая камнем преткновения между западниками и славянофилами, а также между марксистами и народниками всецело отвергается

Плехановым. Идея русской самобытности, по его мнению, получила, в частности, у народолюбцев "новую переработку, и если прежде она вела к полному отрицанию политики, то теперь оказывалось, что самобытность русского общественного развития именно в том и заключается, что экономические вопросы решались и должны решаться у нас путем государственного вмешательства. Весьма распространенное у нас в России незнание с экономической историей Запада способствовало тому, что подобного рода "теории" никого не приводили в изумление. Период капиталистического накопления в России противопоставлялся периоду капиталистического производства на Западе, и неизбежное несходство этих двух фазисов развития экономической жизни приводилось как убедительнейшее доказательство, во-первых, нашей самобытности, а во-вторых, обусловленной этой самобытностью целесообразности "народолюбческой программы" [5. С. 67]. Эти доводы весьма близки нынешней полемике о путях развития России, о поисках ее самобытности.

Плеханов отвергает любую критику теории Маркса в этом отношении, полагая, что сторонники русского особого пути не понимают того, "что история западноевропейских отношений положена Марксом лишь в основу истории капиталистического производства, которое родилось и выросло именно в этой части света. Общие философско-исторические взгляды Маркса имеют ровно такое же отношение к современной Западной Европе, как к Греции и Риму, Индии и Египту. Они обнимают всю культурную историю человечества и могут быть неприменимы к России только в случае их общей несостоятельности" (5, С. 72). Поэтому во взгляде Маркса на Россию нет ничего противоречащего самой очевидной действительности, и нелепый предрассудок относительно его крайнего "западничества" лишается всякой тени разумного основания. Таким образом, Плеханов выявляет отрицательную заслугу народолюбческих фикций и считает, что оно нанесло смертельный удар всем традициям правоверного народничества. Но у него один путь - к научному социализму.

Плеханов не жаловал и других своих оппонентов - "академических (или "легальных") марксистов", особенно, если они покушались -на марксизм. Например, М. И.

Туган-Барановский, сокрушаясь по поводу негативного отношения Плеханова к своей литературной деятельности, обращается к нему с риторическим вопросом: "Надеюсь, что Вы признаете право за единомышленниками в области политической и общественной разногласий в вопросах чистой теории... Мое глубокое убеждение - что поддержать марксизм можно только его критикой и дальнейшим развитием [6. С. 227, 228].

Надо признать, что Плеханов выступил в печати против "легальных марксистов" лишь в 1901 г., до этого критикуя их в частных письмах и беседах. Его позиция наглядно характеризуется отношением к русскому либерализму, выраженному им в письмах к Ленину в период острой полемики с либералами: "Не следует теперь ругать либерала вообще. Это не тактично, надо этого плохого либерала апеллировать к хорошему, хотя бы существование такового было для нас сомнительно... Либерализм не надо гладить теперь против шерсти. Это большая ошибка! Но либералов, вроде Бердяева, Струве и других, надо тем старательнее дискредитировать во мнении всех читателей вообще и самих либералов в частности. Вот почему я прошу Вас смягчить преимущественно то, что относится к либерализму" [3. С. III, 118,119].

Плеханову принадлежит заслуга социологического обоснования необходимости ведения политической борьбы рабочей партии для решения насущных социальных задач угнетенных классов, прежде всего рабочего класса. Борьба за государственную власть

составляет, по его мнению, существо политического вопроса, в то время как народничество было категорически против государства. Старое народничество вообще отрешивалось от "...всякой политики. Народовольцы же видели в демократическом перевороте" самое надежное "средство социальной реформы". Народничество основывало свою программу на так называемых идеалах и требованиях крестьянского населения. Плеханов подчеркивает, что да, действительно, "аграрный вопрос лежал в основании всех или почти всех проявлений народного недовольства" [5, С. 65]. Он требовал разрешения, но не вызывал политического недовольства, так как крестьяне ожидали решения этого вопроса сверху. Народовольцы же должны были обращаться главным образом к городскому и промышленному населению.

В сущности народовольство было полным и всесторонним отрицанием народничества, и пока спорящие стороны апеллировали к основным положениям последнего, "новаторы" были совершенно не правы: их практическая деятельность стояла в непримиримом противоречии с теоретическими взглядами. Поэтому Плеханов призывает народовольцев быть последовательными и привести в соответствие свою практическую революционную деятельность с теоретическим строем. Русские революционеры должны стать на точку зрения социальной демократии Запада и разорвать свою связь с "бунтарскими" теориями.

Цель социальной революции состоит прежде всего в устранении тормозящих развитие производительных сил общества имущественных отношениях. Сама логика вещей выдвинет рабочих на путь политической борьбы и захвата политической власти. Надежды Плеханова связаны с действительным положением рабочего класса. Пролетариат создается одновременно "развитием крупной промышленности, он создается ею, тогда как другие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием" крупной промышленности.

На этом основаны центральные положения современного научного социализма? "К счастью, русские социалисты могут строить свои надежды на более прочном основании. Они могут и должны надеяться прежде всего на рабочий класс. Сила рабочего как и всякого другого, класса зависит, между прочим, от ясности его политического сознания, от его сплоченности и организованности. Именно эти элементы его силы и подлежат воздействию нашей интеллигенции" [5. С. 108]. Пролетариат в отличие от буржуазии требует не представительной (монархической или республиканской) системы - детища буржуазии, а прямого народного законодательства как единственной политической формы, при которой возможно осуществление его социальных стремлений. Это требование рабочего класса занимает одно из первых мест в программе социальной демократии всех стран и стоит в тесной связи со всеми остальными пунктами ее программы. Вопреки Прудону, пролетариат продолжает смотреть на "политическую революцию", как на самое могущественное средство достижения экономического переворота.

В одной из наиболее характерных работ "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю" Плеханов защищает не только философский материализм и в особенности материализм в понимании истории, но и определяет свое отношение к позитивистской социологии. По ходу дела он подмечает, что когда русские "субъективные социологи" ополчаются на защиту "личности", "идеалов" и прочих хороших вещей, они воюют именно с утопическим, неясным, неполным и потому несостоятельным учением о "естественном ходе вещей". Наши социологи даже как будто и не слышали, в чем заключается

современное научное понятие о законосообразности общественно-исторического процесса. Этот недостаток исходит из того, что "история человечества объяснялась природой человека" [9. С. 541]. Ключ к пониманию истории дается не правильным пониманием природы человека, сколько фактическим изучением истории. При уповании на правильное изучение на человеческой природы, теряется почти всякий интерес к общественной жизни, как она есть, и внимание сосредоточивается на общественной жизни, как она должна быть сообразно природе человека. Фатализм в истории нисколько не мешает утопическому отношению к действительности на практике. Напротив, он содействует ему, обрывая нить научного исследования. Фатализм вообще нередко идет рука об руку с самым крайним субъективизмом.

Совершенно утопическое отношение к общественной науке присутствует на каждой странице сочинении "субъективных" социологов. В действительности отличительная черта "субъективных" мыслителей заключается в том, что "мир должного, мир истинного и справедливого" стоит у них вне всякой связи с объективным ходом исторического развития: здесь - "должное", там - "действительное", и эти две области отделены одна; от другой целой пропастью, той пропастью, которая отделяет дуалистов мир материальный от мира духовного [9. С. 549-550] Задача общественной науки XIX столетия в том, чтобы построить мост через эту, по-видимому, бездонную пропасть. Анализируя взгляды Ж. Б. Сэя и Сен-Симона на нейтральную роль политических учреждений для народного хозяйства Плеханов подчеркивает: "Теоретически этот взгляд ошибочен в двух отношениях. Во-первых, державшиеся его люди забывали что в общественной жизни, как и всюду, где мы имеем дело с процессом, а не с отдельным явлением, следствие, в свою очередь, становится причиной, а причина оказывается следствием короче, они покидали здесь, очень некстати, ту самую точку зрения взаимодействия, которой в других случаях, и тоже некстати, ограничивался их анализ; во-вторых, если политические отношения являются следствием социальных, то непонятно, каким образом до крайности различные следствия (политические учреждения диаметрально противоположного характера) могут быть вызваны одной и той же причиной - одинаковым состоянием "богатства" [9. С. 550].

"Политический строй есть следствие, а не причина... Отсюда почти прямой вывод, что "политика" не может служить средством осуществления общественно-экономических "идеалов"" [9. С. 551]. Такова позиция утописта. Субъективно-идеалистический взгляд на историю ("мнения правят миром"), по-видимому отводящий такое широкое место свободе, на самом деле представляет его игрушкой случайности. Вот почему этот взгляд, в сущности, очень безотраден [9. С. 552].

Так, например, мы не знаем ничего безотраднее взглядов утопистов конца XIX в., т.е. русских народников и субъективных социологов. У каждого из них есть готовый план спасения общины, а с нею и крестьянства вообще, у каждого - своя "формула прогресса". Но, увы! Жизнь идет своим ходом, не обращая внимания на их формулы, которым не остается ничего другого, как тоже прокладывать себе свой, независимый от жизни путь в области абстракции, фантазий и логических злосюжений. Далее Плеханов приводит положение Михайловского о возможном законодательном закреплении общины при решении рабочего вопроса и безусловном отказе от капиталистического пути России [9. С. 552-553]. Сам Плеханов полностью на точке зрения объективности объективного социолога, т.е. основывается на данном законосообразном ходе общественного развития.

Здесь любопытно, что философские аргументы он приводит для обоснования развития капиталистических форм производства в России и для сокрушительной критики Михайловского и Даниельсона по данному вопросу. Плеханов отвергает позицию позитивизма, исходящую из природы человека. Например, физиология в глазах Сен-Симона и его учеников являлась основой социологии, которую они называли социальной физикой. Плеханов пишет по этому поводу: "Во-первых, поскольку "социальная физика" имеет "своей точкой отправления" индивидуальную физиологию, она строится на чисто материалистической основе: в физиологии нет места идеалистическому взгляду на предмет. Но та же социальная физика должна главным образом заниматься оценкой прогрессивного влияния одного поколения на другое. Данное поколение влияет на последующее, передавая ему как те знания, которые оно унаследовало от предыдущих поколений, так и знания, приобретенные им самим. "Социальная физика" рассматривает, следовательно, развитие человеческого рода с точки зрения развития знания и вообще "просвещения" (lumières). Это уже чисто идеалистическая точка зрения XVIII в. мнения правят миром" [9. С. 561].

Подвергнув критике закон Конта о трех фазисах эволюции названный им "бесконечным движением в безвыходном круге" Плеханов высмеивает "формулу прогресса" Михайловского, называя ее "гигиеническим рецептом", или "физиологией" желательного общества, в которой применение "субъективного метода" очень облегчает работу "исследователя". Он убежден, что "...Возможность свободной (сознательной) исторической деятельности всякого данного лица сводится к нулю в том случае если в основе свободных человеческих поступков не лежит доступная пониманию деятеля необходимость... Необходимость является вернейшим, единственным надежным залогом свободы" [9. С. 593, 594]. Чтобы выйти из неизвестности, надо перейти от изучения природы человека к изучению природы общественных отношений. Но надо понять эти отношения как законосообразный, необходимый процесс.

Теория Маркса, по мнению Плеханова, устраняет этот дуализм (который есть у представителей субъективной школы, в том числе у Кареева. - В. К.). У него экономия общества и его психология представляют две стороны одного и того же явления "производства жизни" людей, их борьбы за существование, в которой они группируются известным образом, благодаря данному состоянию производительных сил. Борьба за существование создает их экономию; на ее же почве вырастает и психология. Экономия сама есть нечто производное, как психология. И именно потому изменяется экономия всякого прогрессирующего общества: новое состояние производительных сил ведет за собою и новую экономическую структуру, равно как и новую психологию, новый "дух времени". Экономия не есть первичная причина всех общественных явлений, она сама есть следствие, функция производительных сил.

Каким же образом соответствуют друг другу психология и экономия? Очень просто - психологическая эволюция предшествует экономической революции, хотя психология общества приспосабливается к его экономии. На данной экономической основе возвышается соответствующая ей идеологическая надстройка. Очень важен, на наш взгляд, довод Плеханова о том, что в развитии идеологий экономия является основой в том смысле, что общество должно достигнуть известной степени благосостояния для того, чтобы выделить из себя известный слой людей, посвящающих свои силы исключительно научным и прочим подобным занятиям. И более того, само направление умственной работы в обществе направляется его отношениями производства. Этот

вывод, конечно, выглядит некоей натяжкой для оправдания выдвинутого тезиса. Только историческая теория Маркса разрешает антиномию взаимоотношения психики общественного человека и его положения. Состояние умов и нравов определяется социальной средой. "Свойства социальной среды определяются состоянием производительных сил в каждое данное время. Раз дано состояние производительных сил, даны и свойства социальной среды, дана и соответствующая психология, дано и взаимодействие между средой, с одной стороны, и умами и нравами - с другой" [9. С. 655]. Но психология людей может в то же время опережать данные формы их общежития. Это зависит от взаимного влияния обществ. Например, влияние литературы одной страны на литературу другой прямо пропорционально сходству общественных отношений этих стран. Но, подчеркивает Плеханов, мы не только говорим, что человек со всеми своими мыслями и чувствами есть продукт общественной среды, мы стараемся понять генезис этой среды [9. С. 664]. Именно многообразные изменения в фактических взаимных отношениях людей необходимо ведут за собою перемены в "состоянии умов", во взаимных отношениях идей, чувств, верований.

Но какова же роль личности, если существует подобного рода зависимость. В частности, в области общественных идей, гений раньше своих современников схватывает смысл новых, нарождающихся общественных отношений. Но и в естествознании роль общественной среды очень важна в истории всякого великого открытия.

Крайне негативно оценивает Плеханов "субъективный метод" в социологии Михайловского, называя его величайшей нелепостью. Поскольку критерий истины лежит не во мне, а в отношениях, существующих вне меня, постольку истинны взгляды, правильно представляющие эти отношения и ошибочны взгляды, их искажающие. Субъективист же стремится потопить эти отношения в воде своего нравственного негодования. С точки зрения Маркса, правилен идеал, соответствующий экономической действительности, но это не отжившая реальность, а та, которая наступает объективно. Объективная действительность поможет нам выяснить субъективную сторону истории. Плеханов вслед за Марксом утверждает что, свойства общественного человека определяются в каждое данное время степенью развития производительных сил, потому что от степени развития этих сил зависит весь строй общественного союза. Таким образом, это строение определяется в последнем счете свойствами географической среды, дающей людям большую или меньшую возможность развития их производительных сил. Но раз возникли известные общественные отношения, дальнейшее их развитие совершается по своим внутренним законам действие которых ускоряет или замедляет развитие производительных сил, обуславливающее историческое развитие человечества. Зависимость человека от географической среды из непосредственной превращается в посредственную. Географическая среда влияет на человека через общественную.

Михайловский всю жизнь был эклектиком. Вначале он приветствовал идеи Маркса, но не справившись с ними в своей эклектической мельнице, стал их критиковать. У Маркса и Энгельса был идеал, и очень определенный идеал: подчинение необходимости - свободе, слепых экономических сил - силе человеческого разума. Исходя из этого идеала, они и направляли свою практическую деятельность, которая заключалась, разумеется, не в служении буржуазии, а в развитии самосознания тех самых производителей, которые должны со временем стать господами своих продуктов. Критерием идеала служит экономическая действительность.

"С развитием производительных сил, ведущих к изменению взаимных отношений людей в общественном процессе производства, изменяются все отношения собственности," - подчеркивает Плеханов марксистский тезис о том, что данным состоянием производительных сил обуславливаются внутренние отношения данного общества. Этим же состоянием обуславливаются и внешние его отношения к другим обществам. Этот марксистский принцип играет универсальную роль в объяснении всех социальных процессов и состояний конкретных обществ. Плеханов, повторяя мысль Маркса, говорит о том, что он не отрицает значения нравственности, философии, религии, эстетических понятий, но лишь выясняет их генезис [9. С. 643-644]. Всякая данная ступень развития производительных сил необходимо ведет за собою определенную группировку людей в общественном производственном процессе, т.е. определенные отношения производства, т.е. определенную структуру всего общества. Поэтому психология общества всегда целесообразна по отношению к его экономике, всегда соответствует ей, всегда определяется ею.

Плеханов был по убеждениям и по всему складу мировоззрения правоверным марксистом. Его вклад в разработку марксистской социологической теории оставил значительный след в истории русской общественной мысли, обессмертил его имя. Он считал своей задачей не только борьбу за чистоту марксизма, но практическое использование его в социальном познании, потому что, по его мнению, объективно верная теория служит единственно правильным ориентиром для социального действия и выбора личной позиции.